

Максим Велецкий

Несеть

Максим Велецкий

Несть

«Издательские решения»

Велецкий М.

Несть / М. Велецкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966780-9

Необычный частный детектив Юрий Игнатов и его соратники не гнушаются никакими средствами для достижения своих загадочных целей. Ведомые мистическими озарениями, беспощадные к себе и врагам, они проходят стремительный путь от полуподполья до эпицентра исторических событий. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-966780-9

© Велецкий М.
© Издательские решения

Содержание

Весть	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Несть

Максим Велецкий

Редактор Сергей Кузнецов

© Максим Велецкий, 2019

ISBN 978-5-4496-6780-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весть

Смартфон Юрия Даниловича Игнатова мягко завибрировал на прикроватной тумбочке. На дисплее высветилось имя Алексея Барабаша.

– Алле, – почти беззвучно, глухо выговорил Игнатов и откашлялся. – Алло, – уже бодрее проговорил он.

– Юрик, привет! – как обычно весело вступил Барабаш. – Извини, что прогнал твоего Морфея, но дело важное. Ночью на Дунайском произошло легкое душегубство, – он усмехнулся. – Угробили некоего Денисевича Анатолия Олеговича, владельца конторки по ремонту бытовой техники. Тридцати пяти лет. В подъезде дома, между тремя и тремя тридцатью. Он зашел в подъезд, подошел к почтовому ящику и там же получил две пули – в плечо и в грудь. Скончался тут же, судя по всему. При нем нашли кредитную карту на имя Вахрушева, эээ, – на том конце слышалось шелестение бумаг, – да, вот, Вахрушева Петра Михайловича. В кармане был обнаружен пластиковый контейнер для сдачи медицинских анализов. В бумажнике водителя лежали три вырванных листа из книги «Homo ludens» какого-то Йохана Хёйзинги. С пометками. В руке был зажат красивый платок с вышитыми инициалами «М.М.В.».

– Тааак, – проговорил Игнатов заинтригованным голосом, в котором уже не слышалось отголосков недавнего пробуждения. – Интересную весть ты мне принес...

– Так вот, Юра, я чего звоню. Жена в шоке, показания дает неохотно, чушь какую-то несет, и – в слезы. Но когда я вошел в комнату часа через два после первых показаний, она, давась соплями, по компу пробивала адреса ближайших сыскных агентств. Видимо, нам зубы заговаривает, мол, врагов у него не было, бедный Петенька, ля-ля-ля, а сама хочет к вашему брату податься. Я зашел-то неожиданно, а она тут же закладку в браузере переключила. Вот я и подумал – дай-ка тебе позвоню.

– Добрый ты человек, Леша, – усмехнулся Игнатов. – Чего это ты меня решил куском хлеба одарить?

– Убивашки – всегда пичалька. Особенно для следователя. Дело мне поручили, а я зашиваюсь реально. Сам знаешь, на мне еще «уфимские лекари» и Алексахин.

– Ты его еще не закрыл?

– Как же. Закроешь с таким адвокатом...

– Гольцман?

– Если бы. Его вездесущность Сагалович Александр Семенович.

– Сильно...

– Я бы сказал, непосильно. Юра, и мне налик нужен. Прикрыли два моих подвала с игральными аппаратами. И дамский будуарчик в Купчино тоже. Маршрутки под себя прокуратура забирает. С этим кризисом я беднею день ото дня. Хочу тридцать процентов твоего гонорара.

– Ты же знаешь, я уже такими мелочами не занимаюсь... Но платочки – это интересно. Уже ведь не первый, да?

– Третий за год. Но оба раза они были у каких-то студентов убогих. Но там без насилия, вроде как. Один в ванне утонул. Другой после обильного самоистязания повесился в чужом гараже. Дела не мои были, подробностей не знаю. Но если ты сможешь эти три эпизода связать, то я вообще подполковника получу! Тогда с меня бонус – магнит на холодильник! – он снова искренне развеселился.

– А с чего ты взял, что у нее есть деньги на частное расследование? Может, это она от шока? Куда только люди не тыкаются, когда суженого кадавром делают...

– Милостивый государь, я с Вас смеюсь. Стал бы я звонить просто так. Они не на пособия живут – сразу видно.

– Сможешь мне к вечеру дела тех двух студентиков достать?

– Ну, тут запрос надо делать, Кристину теребить. Но я попробую. Ты, главное, вдовушку зааркань.

– Диктуй.

– Дунайский проспект, 26. Подъедешь, позвони.

Окончив разговор, Игнатов посмотрел на время звонка. Полежав на спине несколько секунд, он резко вскочил с кровати. Он был ростом чуть выше среднего, худощавый и жилистый, с короткими темно-русыми волосами, карими глазами и блеклым, бесцветным лицом. Подойдя к журнальному столику, он открыл большую тетрадь с надписью «Лиловая книжица», нашел соответствующую дату – 16.04 – и поставил в верхнем левом углу двоеточие. Ниже написал букву t и время звонка Барабаша – 7:09. Держа в руке блокнот, Игнатов подошел к окну. Обратив взор на близлежащую девятиэтажку, он стал записывать порядковые номера горящих окон, начиная с верхнего этажа.

– 9.2, 9.4, 9.9, 9.10, 9.17. 9.23, 8.1, 8.6... – вполголоса комментировал Игнатов производимые записи.

Умывшись и налив себе кофе, Игнатов подошел к двери одной из комнат в квартире. Дверь была железной. Он нажал на кодовом замке цифры 6, 7, 1, 9, затем вставил ключ в скважину верхнего замка и магнитную карту в подсвеченное пространство нижнего. Дверь открылась внутрь. В комнате мерцал слабый сиреневый свет. Игнатов сел на рабочее место, являвшееся необычной композицией трех предметов мебели. По центру это был обычный рабочий письменный стол. По бокам от сидящего стояли письменные ящики – три с каждой стороны. Слева располагался стол для игры в американскую рулетку. Справа стояла бывшая в употреблении бледно-желтая лакированная школьная парта с разнообразными надписями и рисунками непристойного содержания.

Игнатов вынул из левого верхнего ящика нераспечатанную колоду карт, сорвал с нее полиэтиленовую упаковку и, тщательно перемешав, положил справа от себя. Затем взял из правого среднего ящика потрепанную колоду и, не перемешивая, положил ее по левую руку. Далее включил компьютер, ввел пароль, дважды кликнул по иконке в виде мишени под названием «Колода». На экране высветилось четверостишие:

*Отринь больную,
Ищи большую,
И одесную,
И ошую.*

Игнатов нажал на виртуальную красную кнопку в нижней части экрана. Появились две цифры: 39 и 16. Он взял правую колоду, отсчитал сверху 15 карт. Затем взял левую колоду и убрал 38 верхних карт. Тридцать девятая и шестнадцатая лежали на колодах рубашками вверх. Игнатов одновременно перевернул обе карты. Левая была тройкой бубен, правая – дамой червей. Усмехнувшись, Игнатов взял мобильный телефон и набрал абонента по имени Анастасия Драгомарецкая.

– Настя, здравствуй, – мягко проговорил Игнатов.

– Юрий, доброе утро, – бодро отчеканила собеседница.

– Запиши в «Малиновую книжицу», что сегодня победила правая колода.

– О, как! – возбужденно сказала Драгомарецкая. – Двенадцать дней подряд, прямо на рекорд идем.

– И еще я окна сегодня списывал.

– Кто-то звонил? Что-то новое?

– Да. Но об этом позже. Настя, хватит испытывать Всевышнего! Надо основные силы перекинуть на дела правой колоды. В первую очередь, важно всё время сверять лабильные циклы с графиком посещений Вировлянского. Михаил Эдуардович доверяет нам и ждет результатов. Но важнее другое: если мы не сможем отследить пробелы в визитах к нему наших заклятых друзей из Серпухова, то грош цена всей карточной статистике, всем обзорам по действию новых психотропов, всей криминалистической карте карманных краж. А также, Настя, части твоих наблюдений в области дерматоглифики. Короче, следи за главным объектом, иначе плакала твоя диссертация.

– Ничего не плакало и не заплачет, – хрустя яблоком, парировала Драгомарецкая. – Вы разве не знаете, что циклы посещений находятся строго под моим контролем, благодаря тому, что охраннику, ведущему учет убытия-прибытия, засылается три соточки в месяц?

– Он нам чужой человек. Клятвы не давал, в Кириши не ездил, пальцы не окунал. С чего ты взяла, что ему можно доверять? Он может забыть, заболеть, забить и еще что-нибудь учудить, что испортит нам осевой коэффициент.

– Эраре хуманум эст, ясно дело... Но, знаете, там же журнал сверяется по камерам в офисе. Придут двое на вахту и скажут, что идут в офис в Вировлянском. Камера пишет это, допустим, в 14:17, а в журнале нет пометок или они не синхронизированы – то бишь время стоит другое. Ему и влетит от старшего. Выходов на службу безопасности, ведущую съемку, у нас нет, но охрана – обычная охрана – на них оглядывается еще как. Потому откровенную лажу он писать не будет. Хотя я вообще не очень понимаю, для чего в офисных центрах вся эта система пропусков придумана. Они ведь двухкопеечные конторки охраняют, у которых кроме офисной техники нет ничего. А контроль – будьте нате. Не понимаю, – безучастно сказала Драгомарецкая и снова захрустела яблоком.

– Чего тут понимать? Где все эти фирмы свои уставные документы держат? И бухгалтерию? И всякие там «карманные расходы»? В офисе. А ты спрашиваешь, зачем охрана...

– А днем-то они зачем, и паспорта зачем срисовывают на входе? Поставьте камеру да бабу на ресепшене. Улыбчивую такую, белые зубы, маникюр, сиськи навывкате. А не делайте вид, что тут военная часть...

– Много воды, Настя. Не о том думаешь. К тому же, если не было бы такой отчетности, как бы мы пасли серпуховских... Пойми, это старая жесткая группировка. Понятнейшая. Я с ними еще с начала девяностых в контрах. Сможет этот наш супервахтер отличить их от остальных посетителей Михал Эдуардовича?

– Это несложно: брекетты на зубах, дреды. Я предупредила.

– Опасно. Давай поставим на ресепшен своего человека. Пупышева. Или Вагину.

– Не полезло ей с фамилией...

– Настя, это грубо.

– Грубо?! Я когда ее в контакте искала – знаете, сколько интересных аккаунтов нашла? Пусть будет нынешний охранник. Коней на переправе не меняют.

– Давай поменяем. И не надо спорить.

– Юрий, я у Вас работаю... Нет, нет так. Я Вам служу не для того, чтобы всё время подкакивать. Иначе в чем моя ценность? В нанесении продольных шрамов? В исчислении среднего арифметического по мухаметшинским столбцам? В объяснении с дорожниками по дарственным? Я всё это к тому говорю, – голос Драгомарецкой стал мягче, – что Вы, как мне кажется, перестраховываетесь не там, где надо. И при этом переоцениваете самих серпуховских и полагаете, что даже если сам Вировлянский пойдет на уступки, то всё равно их конфликт будет длиться до Второго Пришествия. А я думаю, что удар первым может нанести Меликян, воспользовавшись тем, что гараж около южного авторынка сдан в наем до конца года. И до конца года Михаил Эдуардович никак не сможет туда войти и взять договоры аренды. Точнее, может, но для этого ему придется самому разыскать хозяина гаража в надежде, что тот согласится

пустить его внутрь и даст выйти с чужими бумагами. Вы бы пустили Вировлянского в свой гараж? Да пусть даже в чужой, сданный внаем? Да не в гараж даже... В самолет бы с ним один сели?

– Ты же знаешь ответ, Настенька, – тяжело выдохнув, сказал Игнатов.

– Так вот, что я думаю. Гарбуз не станет давить на серпуховских и теребонить Меликяна до момента, пока у него не истечет договор подряда с ТСЖ-912. А это не произойдет раньше декабря этого года. Представить себе, что председатель ТСЖ разорвет договор в одностороннем порядке, я не могу. По трем причинам, каждая из которых вам известна еще со времен «дела Кочеткова-Пригарина-Шура». Так вот, сам Гарбуз не станет давить на Меликяна. Но! Поскольку у Гарбуза есть конфликт хозяйствующих субъектов с печально известным ОАО «Estimated time», то вполне возможно, глава этого ОАО – Игорь Станюкевич, станет давить на Меликяна пунктом №9 приложения ко второму договору насчет лицензий. Лицензии выправлены правильно, спору нет. Но Меликян сделал крупную ошибку, когда не стал регистрировать название своего некогда вшивого ООО в качестве товарного знака. Он же тогда не знал, что к нему все федеральные сети выстроятся в очередь. И прохлопал ушами возможность стать крупным игроком. Что в итоге? Станюкевич давит на Меликяна в отместку Гарбузу. Гарбуз самоустраниется, так как любой арбитраж будет не в его пользу. Станюкевич ничего не выигрывает, но он азартен, как сказано в личном деле, и вполне может обострить ситуацию просто так, ради движухи. Меликян будет искать выходы на Торгово-промышленную палату, делать предьявы Омельченко, но это всё мертвому припарка. А тут он вспоминает, что рядом есть этот же самый Вировлянский, с которым по-любому придется договариваться. Вот и может подумать Меликян наш Георгий, что, заключив сделку с серпуховскими, он может запросто, ну, как бы сказать мягче...

– ...интенсифицировать...

– ...оно самое! Интенсифицировать переговоры с Вировлянским и потребовать пересмотра контракта под гарантии банка. А банк, учитывая идеальную кредитную историю Меликяна, даст ему закладную за милую душу! Вот и получится, что серпуховские будут ходить в офис к Михал Эдуардычу не токмо уговаривать шаромыжничать за одну треть от квартального прибытка, но и станут просить быстро переделать лицензии якобы под новые ГОСТы.

– Это всё ежу понятно, Настя, – устало отвечал Игнатов, – но ты лучше меня знаешь, что никакими картами из правой колоды, никакими заверениями Вельяминова, никакими плясками могиле Беседина мы не оценим вероятность реальной опасности для Вировлянского. Потому в наших силах только одно – сверять, сравнивать, оценивать, предупреждать Михаила Эдуардовича. Делать первый шаг – опасно, потому что потом Вировлянский нас же обвинит в сговоре с серпуховскими, повесит на нас расходы по обслуживанию терминалов оплаты и получит возможность переметнуться к Станюкевичу для сдерживания Гарбуза. Тогда Станюкевич обрстет еще несколькими щупальцами, которыми легко можно опутать как Вельяминова, так и Кршиштановского. И тогда ни Платов, ни Рябко не смогут вывести свои доли через фирмы-однодневки в Черногории.

– Смогут, – уверенно сказала Драгомарецкая. – Я уговорила обоих на процент с обнала. Подключайте Шарафутдинова.

– Ну ты, Настя... Еще так будешь работать лет пять, прибавлю зарплату... – усмехнулся Игнатов с явным восхищением в голосе.

– Я еще лет пять так поработаю, обещаю. Деньги меня не интересуют. По крайней мере, маленькие. Лучше закажите уже у Мокшина новую химическую посуду. С этой я уже намучилась. Ну, правда, пожалейте рабу Божью Настасью.

– Не буду, – отрезал Игнатов.

– Тогда я за сделанную химозу не отвечаю. Вы сейчас на Крестовский, смотреть за Сулаквелидзе?

– Нет, сейчас я на Дунайский, там сегодня мужичок от пули околел, буду навязываться безутешной вдове.

– Кто подсобил? Елдышев?

– Нет, Барабаш.

– Он – дебил. Зачем Вы с ним связываетесь опять?

– Интерес мой не в том, чтобы еще один заказ взять, а в платочке «М.М.В.» и вырванных страницах в бумажнике.

– Шутите?

– Уф... Настя, почему «шутите»?

– Это вообще не компетенция Барабаша по определению, этим занимается ФСБ.

– Перестало заниматься уже месяц как. Потому как стало понятно, что ранее убитые с такими же платочками никак не связаны с утечкой данных из таможенной службы. И они сразу отдали это Следственному комитету.

– Почему я об этом не знаю?

– Это я тебя хотел спросить. Ты, вот что, Настя: подготовь мне список проживающих по адресу: Дунайский проспект, дом 26. В алфавитном порядке, исключая престарелых мужчин.

– Вам нужны проживающие или прописанные?

– Прописанные, конечно. Проживающие важны, когда берешься за амурные дела. А тут смертоубийство.

– Сделаю через два часа.

– Всё, Настя, я поехал, спасибо.

– Погодите. Не могу не поделиться опасениями. Я боюсь, что эти платки у нас только время отнимут. Дел-то немерено.

– А я чувю, что там что-то очень важное для нас кроется. Не могу объяснить. Кстати, о чуйке. Ты вчера закупила?

– Да, и, по-моему, экземплярчик отменный. С выдержкой, но без жести. Х/б.

– Это хорошо. Атлас мне уже обрыднул. И Настя! Не забудь про Шамрикова.

– Я скорее про Локтионова забуду, чем про Шамрикова!

Выехав на внутреннее кольцо окружной автодороги, Игнатов вскоре был остановлен на посту патрульно-постовой службы взмахом полицейского жезла. Он опустил стекло своего внедорожника и дождался высокого крепкого проверяющего.

– Сержант Кротов, проверка документов, – сухо отчеканил человек в форме.

Игнатов протянул бумажник водителя.

– Страховка? – спросил сержант.

– Вот, вот моя страховка, – Юрий указал на иконки на торпедо.

– Ясно. Свидетельство о регистрации тоже там? – спросил сержант с недоброй улыбкой.

– Там всё. Я тороплюсь. Привет Вам от генерала Волчкова, будущий лейтенант Кротов.

Сержант проигнорировал последнюю реплику, внимательно посмотрел на водительское удостоверение и передал по рации данные автомобиля. Вскоре рация прощуршала свой вердикт.

– Николай Васильевич, – обратился он к Игнатову, – данный автомобиль находится в угоне. Прошу Вас выйти из машины.

– Не надо корчить из себя, сержант. И я не буду. Баш на баш.

– Выходите из машины. Неподчинение сотруднику...

– Позвони Стеклову. Не глупи, я ж о тебе забочусь!

Кротов резким движением вынул оружие и направил его на Игнатова.

– Сержант, лучше не стоит! Боборыкин по головке не погладит.

После серии увещеваний и угроз Кротова Игнатов вышел. Сержант заковал его в наручники и привел в помещение поста. Внутри никого не было.

– Дурак ты, Кротов! Ты же тут один, тебя никто не хватится. Отпусти, как отец говорю!

Полицейский по рации доложил обстановку – ему приказали ждать подкрепления, при этом запретив проводить дознание и вести какие-либо записи. Через пятнадцать минут, в течение которых Игнатов снисходительно глумился над Кротовым, в комнату вошли трое. Юрий побледнел. Седовласый подполковник Госавтоинспекции внимательно оглядел задержанного, сидевшего на стуле.

– Оп-ля! Игнатов! А я-то думал сам к тебе заглянуть! – он раскатисто рассмеялся, – а ты, значит, сам ко мне! Сержант, доложи по форме.

Тот откашлялся.

– Товарищ подполковник, в рамках оперативно-розыскных мероприятий по ориентировке №214 мною был задержан гражданин Брославский Николай Васильевич, управлявший...

– Не так, не так! Ты слышал, как боксеров представляют ведущие? Иииииии, в левом углуууууу, поооооприветствуеееем великоиужааааасноо – далее пауза-пауза-пауза – Бро-ооослааавскоого, аплодисментыыыыы!!! А судья так резко: «Бокс»! И раз, раз, раз, раз! – он быстро отвесил Игнатову несколько внушительных оплеух.

Сержант попятился назад.

– Знаешь, Игнатов, тебе давно пора огороды сажать да наливки гнать, а не этим вот заниматься. У меня уже коллекция твоих фиктивных документов. Теперь вот каким-то Брославским заделался, гад. Я тебе еще месяц назад сказал – на внутреннее кольцо не суйся, тут тебя даже Гедеонов не хватится! Это мое кольцо! Это моя дорога! Усек, мразь?

Игнатов вобрал голову в плечи:

– Дай мне, Валентин Ильич, хотя бы... Я не спасую. Ветер в спину, как говорится... Не будет больше этой мешанины январской... Я уважаю Светлану. Поверь.

Офицер задумался.

– Я тебе верю. Но «дело прочно, когда под ним струится кровь». А ты со своей демагогией... Хватит этого! Нужны новые люди! А ты? Ты-то каков?

– Я не новый, Валентин. Я обновленный. И не тебе тянуть эту лебедку. Закреф постигнут. Я всегда бью только обухом, так что лезвие смотрит на меня самого.

Подполковник лягнул Игнатова ногой в грудь. Тот вместе со стулом опрокинулся назад.

– Помни, Игнатов, что мне стоит сделать два звонка, и ты на этой трассе будешь милостыню собирать с утыгами в руках. И не зачтется тебе, что мы тогда с тобой блокадницу хроющую в четыре ноги напиздячили. Хотя... к чёрту всё! Звоню крайним, – подполковник сплюнул на Юрия.

– Дай мне ход! Два хода!

– Уже звоню Желудкову.

– На Кольцевой есть место под асфальтом, где... Я покажу! Там, где кофр! Митя, пожарник, его ищет!

– Мне до одного места, Юрий, что там ищут пожарные. Шланг свистку не товарищ.

Глаза Игнатова налились яростью.

– Ну и хуй с тобой, мудак тупорылый! Хочешь драки – будет драка.

Подполковник отложил телефон и хлопнул в ладоши.

– Ну наконец-то! Да! Точно! А я всё... всё мямлю: «надо, не надо», «еще рано, уже поздно». Действительно! Ну, голова! Це діло, как говорят еуропэйцы! Лейтенант, как думаете, что делать с этим гражданином? – он посмотрел на сержанта Кротова.

– Не имею понятия, товарищ подполковник! И я сержант.

– А можешь стать лейтенантом. Если хочешь, – он вопросительно посмотрел на младшего коллегу. – По глазам вижу, хочешь.

Сержант резко вытянулся по струнке, всем видом выражая искренний энтузиазм. Все пятеро, включая поднятого с пола Игнатова, вышли на воздух и проследовали к проему в высоком бетонном заборе, разделявшем автодорогу и прилегающую промзону. На земле лежал всё еще не растаявший апрельский снег.

– Вот тут, вдали от посторонних глаз, мы с тобой, стукачонок, и порешим, – зло цедил подполковник.

Освобожденный от наручников Игнатов потирал запястья.

– Чего тут решать, Валентин Ильич? Ставки сделаны. All-in.

– Эх, молодежь! Ооолл-ииин! – передразнил Юрия подпол. – Говори «ва-банк», пятая колонна. Лейтенант, держи крепко! – он протянул постовому боевой нож. – А ты, Игнатов – как ты любишь – мистикой своей оборону держи. Давайте, ребзя, погнали.

Валентин Ильич с двумя сопровождающими отошли в сторону. Юрий с соперником остались около стены. Кротов был выше Игнатова на полголовы и имел значительно более внушительную мышечную массу.

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться... – начал явно опешивший от происходящего сержант.

– Чего мямлишь?! Чего глаза отводишь, рядовой Кротов?! Чего тебе не ясно?

Полицейский медленно, сосредоточенно сглотнул ком в горле и твердым взглядом посмотрел на подполковника.

– До... первой капли, так?

– До последней, лейтенант, – отрезал тот. – Еще вопросы?

– Никак нет! Разрешите выполнять? – с прежним энтузиазмом пролаял сержант. Валентин Ильич с неудовольствием посмотрел на него и небрежным жестом дал отмашку.

Игнатов снял верхнюю одежду, оставшись в футболке, вынул ремень и намотал его на левую руку. На кулаке блестела массивная пряжка с циркулем и наугольником, прикрывавшими серп и молот. Подполковник начал обратный отсчет.

– Ну а теперь взаправдууу... Бокс! – рявкнул он.

Игнатов начал без промедлений: в прыжке он оттолкнулся левой ногой от стены и правой ударил сержанта в район груди. Тот успел выставить блок и погасил выпад, но Юрий провел еще один резкий удар ногой по колену. Кротов, теряя равновесие, сделал два неуклюжих шага назад, а затем перекатился влево. Не дожидаясь, пока тот распрямится, Игнатов прыгнул на противника двумя ногами, но последний удачно схватил его за штанину и потянул за нее вверх. Игнатов всем телом упал на спину. Сержант попытался нанести удар ножом лежащему сопернику в район солнечного сплетения, но Игнатов подставил руку с пряжкой под нож, отчего рука атакующего скользнула вправо. Кротов по инерции подался вперед и повалился на Игнатова, который другой рукой засветил ему в челюсть. Дезориентированный постовой, лежа на Юрии под прямым углом, не успел вновь занести нож для удара, чем воспользовался противник, резко ударив замотанным кулаком по запястью, сжимавшему холодное оружие. Ладонь разжалась, и нож выскользнул из руки сержанта. Вопящий полицейский попытался ударить Юрия лбом в подбородок, но попал ему чуть ниже ключицы. Голова неудачно скользнула по телу Игнатова, в результате чего постовой слегка ударился носом. Игнатов не слишком сильно ударил рукой с пряжкой противнику в ухо, но этого хватило для того, чтобы порвать тому ушную раковину. Не тратя ни доли секунды, Игнатов снова провел жесткий удар в основание черепа, что позволило ему не только окончательно довести Кротова до состояния грогги, но и оттолкнуться от него. Игнатов выскользнул из-под противника, сведя на нет неловкие попытки последнего перевести борьбу в партер. Подхватив бесхозный нож, Игнатов метнул его в голову сержанта, но Кротов успел прикрыть ее обеими руками. Нож почти насквозь прошел предплечье, но не повредил голову. Сержант яростно закричал и повалился на бок. Ловкий Игнатов в очередном прыжке попытался вынуть нож из сержанта, но лезвие сильно ушло

в плоть и не поддалось. Из-за этого Игнатов приземлился не слишком удачно, дав постовому едва ли не первую с начала боя свободную секунду для возвращения в реальность. Вопящий сержант героическим усилием всех конечностей отпрыгнул от земли и встал на ноги. Юрий хотел продолжить атаки, но понял, что нуждается в нескольких спокойных вдохах и выдохах.

– Раунд! – рявкнул подполковник.

Кротов судорожно откашлялся. Кровь, слезы, слюна и носовая слизь, смешавшись, сделали его похожим на раскаявшегося вампира. Постовой потерял равновесие и упал на пятую точку. Нож по-прежнему торчал из предплечья.

Игнатов набрал полные легкие воздуха и встал в гордую позу, уперев руки в бока.

– Да, денег на вас не заработаешь. Я еще третью затяжку не сделал, а вы уже почти закончили. Откуда такая торопливость? Где же эти переминовения с ноги на ногу, взаимные поклоны, угрожающие взгляды! Почему ты, скотина, – он обратился к похрипывавшему сержанту, – не сказал этому ушлепку что-то типа: «Прости меня, но я должен! Честь имею!» и всё такое? А ты, Игнатов-Брославский, почему не ответил: «Пусть победит сильнейший!». Никакого достоинства, никакого уважения к себе и к сопернику. Вы не рыцари, друзья мои! Вы гопники.

Игнатов непринужденно вддел ремень в брюки. Подполковник был явно расстроен.

– Мерзавец ты, Юрий. Устроил из дуэли какую-то корриду. А этот, – он брезгливо указал на Кротова, – будет разжалован.

Сержант зашелся пуще прежнего. Он поднял молящий взгляд на офицера.

– В... в... в... ря... рядо... рядовые... што... штоли? – голос его дрожал от боли, холода и ужаса.

– Нет, друг мой. Из живых – в мертвые. Игнатов, улетай отсюда. Пулей.

Юрий подобрал куртку и вышел через ворота. Подойдя к своему автомобилю, он услышал два пистолетных хлопка по ту сторону стены. Быстро переодевшись в запасной комплект одежды, он уехал с поста.

Игнатов уже переехал на Левый Берег, когда ему вновь позвонил Барабаш.

– Юра, притормози. Прокуратура нагрязнула. Тебя они видеть не должны.

– Почему? У меня с ними всё перетерто.

– Не всё. Приехал Иотаутис. Он тебя не должен приметить – даже издали.

– Ох... Он разве не в отпуске?

– Сегодня с утра неожиданно вернулся на службу.

– Сколько он еще там пробудет, как думаешь?

– Ты же слышал про Иотаутиса – его в дверь, а он в окно. Такая зануда может три часа волюнку тянуть.

– Не понимаю, почему он на меня ополчился. Мы же даже не знакомы. Чего он справки наводит постоянно? Чем я его задел?

– Ты, дорогой человек, сыскарь первоклассный, но в психологии человеческой ни черта не смыслишь. Простые людские эмоции, такие как обида, гнев, ревность, радость и страх не свойственны страдающим профессиональной деформацией, коим является Иотаутис. А я, знаешь ли, и сочувствую ему, и вместе с тем завидую таким толстокожим натурам. Он почти машина делопроизводства, идеальный служащий – не просто ничего личного, но и никакой личности. С тех пор, как погиб Плигин. – Голос Барабаша посерьезнел. – Иотаутис любил его до самоотречения, до истомы душевной. Казалось бы, что может быть у них общего – вялолицый 120-килограммовый советник юстиции и будто вылепленный из мрамора заслуженный артист цирка, ан-нет – до остановки кровотечения, до почернения фаланг пальцев от концентрации сигаретных смол. А ты спрашиваешь – «чем задел?»... Да он плевок в лицо забудет через минуту. Если плюнули в него не при исполнении, ибо тут уже статья.

– Плигин был двурушником и вертопрахом. Горит в аду – и поделом ему. Чего стоят его фокусы с овощебазой!

– Человек слаб. Благодаря этому тривиальному факту у меня есть звание и должность, а у тебя – хлеб насущный, – Барабаш усмехнулся. – Анекдот недавно хороший услышал. Мужик едет на пригородном автобусе в маленький городишко. В конечном пункте спрашивает водителя: «Есть ли у вас в городе бордели?». Тот отвечает: «Нет, у нас очень пуританский городок, но есть одна тема: вечером идите на кладбище. Рядом с церковью каждый день до полуночи молится одна монахиня. Подойдете и скажете, что, мол, так и так, дочь моя, я Иисус, так что отсоси мне. Она поверит и отсосет». Мужик вечером приходит к церкви и видит монашку – ну и говорит ей всё как водила велел. После завершения процесса, короче, решил постебаться над ней. Я, говорит, тебя обманул. Я не Иисус, а просто турист. Она отвечает: «Это еще кто кого обманул! Я не монахиня. Я водитель автобуса».

От смеха Игнатова растащило на истерический фальцет.

– Вот за что я тебя, Юрик, люблю – ты всегда смеешься над моими анекдотами. А жена и дочка их не понимают!

Игнатов окончательно успокоился и вновь вернулся к изначальной теме.

– Скажи мне, Алексей, если я всё же наткнулся на Иотаутиса, чего ожидать?

– Вопросов про Крапивина, как минимум. Это только то, что лично я знаю о его интересе к тебе. Ну и по всем другим своим художествам – будь готов.

– А про Крапивина что ему отвечать? Или послать подальше – «присылайте повестку»?

– Не обостряй. Говори то же, что и до закрытия дела. Скажи, мол, очутился у него на даче волею случая. Руки у него не было еще с вечера. Дверь в свою комнату он выломал сам. Баню поджег не ты. В подполе ты оказался из-за глупой шутки покойного. Собаку повесил он.

– Понял, спасибо. Я чист как слеза праведницы.

– Ага. Той, из анекдота.

Игнатов снова зашелся в радостном исступлении.

– Мне сообщат, когда он уйдет. Поскучай пару часов.

Игнатов стоял на обочине дороги и пролистывал список контактов в телефоне.

– Эрнест Карлович, здравствуйте. Я рад, что Вы, наконец, мне ответили.

На другом конце послышался тихий грудной голос.

– Юрочка, дорогой, как Ваше здоровье?

– Вашим заступничеством перед Всеблагим, – мягко и без иронии произнес Игнатов, – иначе не могу объяснить недавнее исцеление.

– Я думал о Вас ежедневно, наводил справки через Всеволода. Получили мои гостинцы?

– Конечно, Эрнест Карлович, трапезии отменные. Стопроцентное попадание. Хотел бы сейчас заехать к Вам – правда, у меня всего пара часов.

– «Всего пара часов». Надо же как... – собеседник медленно выдохнул, – «Всего пара часов». Всего, да не всего. Время... Знаете, на днях у меня случился приступ радикулита. Вы уж не сердчайте на эту мою откровенность – знаю, что не любит молодежь разговоры про болезни стариковские, но... Я не жалею, нет. Я в строку Ваших, Юрочка, слов.

Он тяжело выдохнул, собираясь с силами.

– Так вот, радикулит. Неудачно повернулся и застыл. Ни с места. Посреди Синей Комнаты. Боль была адская – ни выдохнуть, ни вдохнуть. Как вкопанный стоял. И, знаете, Юрочка, страх, страх... Не головной и даже не сердечный – прям-таки сквозной, нутряной, осевой. Умом понимал, что нужно перетерпеть, переждать, перестоять. Через час-другой должны были прийти мои курды. Немного побуду памятником, думаю. Но душа мечется, вот в чем дело. Некуда ей деться, ни миллиметра свободы. Понимаете, Юрочка, если у памятников есть души, то эти души несчастнее тех, что томятся в геенне огненной. Потому что там, в пекельном цар-

ствии, им дозволено возопить, забиться в агонии безумной, а тут... Тут даже вдох давался с болью. Знаете, будто в воздухе растворили эссенцию страдания. Казалось, будто мой паралич своим источником имеет пространство, поглощаемое легкими. Так и памятники – им не закричать, не заплакать. Только представьте себе такую нулевую точку свободы. Попробовал спустя минут пять пальцем пошевелить – так этот еле заметный сигнал от мозга к конечности тут же был перехвачен той невидимой анакондой, что намертво вцепилась мне в спину и обвила осто́в. Я через силу перевел взгляд на стену в поисках какого-нибудь духовного утеса, о который смогу опереться на время паралича. И, знаете ли, нашел. Старые настенные часы. Тикают негромко, слышны только в полной тишине, когда слух заострен, как наконечник ахиллесова копыя. Я, что называется, уцепился за них. Вгляделся, впился. Мне невыносимо было быть собой, ох невыносимо, невозможно, неподъемно, нестерпимо. Я должен был переместиться вовне. Я слился с секундной стрелкой, я познал ее, понимаете? Каждое ее положение сделалось для меня особенным. Первые десять секунд минуты она проходит деловито и молодцевато, вторые – бодро и осмысленно, третьи – медлительно-озадаченно, четвертые – скованно и осторожно, пятые – на пределе сил, на экстремуме воли, последние – на втором дыхании, но непреклонно. Путь от нуля до нуля более трагичен, чем гибель всего живого. Хотя бы потому, что когда гибнет мир, то он гибнет, а стрелка должна идти дальше, без пауз, без оглядки. Можно ли представить жизнь, в которой нет места взгляду назад? Я не мог оглянуться назад, я был превращен в окаменелость беспощадным ходом биологических жерновов. И она не могла. Мы были заодно, мы были одним. Это не литературная красивость, не барочная завитушка на фасаде речи – это чувство: физиологическое, клеточное, мышечное. Через двадцать-тридцать оборотов ее-меня я почувствовал, что насыщаюсь временем, поглощаю его, просеиваю его. В какой-то момент я понял, что совершенно счастлив. А когда шестипудовая фея в синем костюме сделала мне инъекцию вольтарена, и я смог вытянуться на кушетке, то испытал ангедонию, страшную тоску по утраченному экзистенциальному ориентиру, ностальгию по боли и страху, въевшихся в вечный круговорот времени.

Игнатов помолчал.

– Так можно к Вам заехать?

– Нет.

Эрнест Карлович повесил трубку.

Спустя три часа невысокая женщина в махровом халате наливала Игнатову белый чай.

– Я всё-таки не понимаю, чем Вы можете мне помочь. Я рассказала всё, что знала. И всё, о чем догадывалась. И полиции, и следствию, и прокурорам: они судились с братом за наследство свекра. У Толи были долги перед арендатором. Всё.

– Инесса, Вы действительно уверены, что я ничем не могу Вам помочь? – спросил Игнатов с интонацией заговорщика.

Она пожала плечами.

– Варианта всего два. Следователи их отработают, я думаю. Я надеюсь.

– Из меня плохой менеджер по продажам собственных услуг. Но у меня есть основания думать, что я смогу быть Вам полезным.

– Это из-за вкладки на компьютере? Вам сообщили опера?

– Не буду скрывать – да. Зачем же Вы искали то, что искали?

– Да просто они вели себя ужасно! Полиция еще ничего, а когда следователь приехал, то... Он приземистый, перекаченный такой – вообще не приступал ни к чему, пока не сделал себе два бутерброда. Хам. И дебил. Насвистывал какие-то мотивчики блатные. И это в такой момент! – ее голос сорвался на крик и перешел в слезы.

– Барабаш не меняется, – вполголоса произнес Игнатов, понимая, что рыдающая вдова не расслышит его слова.

– Я... я бросилась искать кого-то... кого угодно, кто не такой, как он!

– Почему же Вы сейчас передумали?

– Человек из прокуратуры был совсем другой. Очень вкрадчивый, щепетильный. Сказал, что надзор за следствием осуществляет он, а потому не даст этому... ну, который дебил – убрать дело под сукно. Так что...

Игнатов встал.

– Я знаю этого прокурора. Он профи. Но он долгое время жил с цирковым артистом – я бы не доверял человеку, которого использовали вместо батута. Вот моя визитка. Если буду нужен, звоните. Один вопрос задам. Откуда у Вашего мужа платок с вышивкой?

– Не знаю!

– Вы замечали в его поведении нечто странное? В последнее время.

– Нет, еще раз нет! Почему же вы все одно и тоже мусолите! Не знаю! Не знаю!!!

– Он не был членом какой-нибудь секты или политической организации?

– Никогда! Мой муж был совершенно аполитичным, глубоко верующим человеком, добросовестным прихожанином Русской Православной Церкви!

Она подняла на Игнатова заплаканные глаза.

– Помню... наизусть помню его любимое, – она с усилием сглотнула и начала читать тихим, сбивающимся голосом. – Новое чудо бысть: тойже бо Ангел явився святителю Илии, повеле ему дати сельце то на вселение ти и церквицу на молитву, еже и сотвори святитель абие. Сия поминающе, тако тя величаем. Радуйся, ангельски пожившая, радуйся, Ангела Господня узревшая. Радуйся, сладкия беседы его причастнице. Радуйся, яко и пред святителем ходатай бе о тебе. Радуйся, Ангелом и на всех путех твоих храненная. Радуйся, кровом крил его огражденная. Радуйся, не преткнувшая ноги твоея о камень гордыни. Радуйся, сего ради видения зрака ангельского удостоенная. Радуйся, яко явился ти...

Игнатов на последних словах начал тихо начитывать ей в унисон:

– ...яко явился ти, иже зрит лице Отца нашего Небеснаго. Радуйся, не прогневльшая хранителя ничимже суетным и греховным. Радуйся, сего ради радостныя вести удостоенная. Радуйся, Евфросиние, невесто Христова всечестная!

Инесса вновь подняла на Игнатова заплаканные глаза, в которых читалось искреннее изумление.

– Побратаемся? – полуутвердительно спросил он.

Она медленно поднялась со стула и подошла вплотную к Игнатову. Они трижды расцеловались в щеки. После паузы он взял вдову за плечи и вкрадчиво спросил:

– Вы готовы поклясться всем святым, что Ваш муж был всецело христианином?

Инесса потупила взор и присела.

– Толя... да, почти... он только... были у вопросы. Чисто теологические. Но важные с точки зрения.

– И какие же вопросы у него были к православному вероучению? – спросил Игнатов с нотками предсуждения.

– Ну, вот этот момент, например, насчет двух природ в Иисусе Христе... Теория диофизитства представлялось ему немного надуманной...

– У него были какие-то восточные корни? Из тех народов, которые монофизиты, а не диофизиты? Армянские, например?

– Нет-нет, дело тут отнюдь не в корешках, а как раз таки в вершках, – она дважды указала пальцем на висок. – Толя совершенно естественным образом пришел к осознанию, что догмат о двух природах Иисуса нелогичен...

– Но как же быть с формулой Халкидонского Собора? Человеческое и божественное во Христе нераздельны и неслиянны. Что же тут неверно, на его взгляд?

– Толя был логиком во всём. Он считал, что раз две сущности Христа суть едины, то также они должны быть и противоположны. Как бы диалектически, я... не очень в этом разбираюсь, я по профессии акушерка...

Возникла пауза. Затем Инесса продолжила:

– Так вот божественная и человеческая природа... они не могут быть равноценны, равносильны, потому один... как бы...

– Один фюзис должен доминировать над другим?

– Да, именно. Он так полагал. Ведь иначе получается не столько органическое единство, сколько конфликт! Сын Божий суть Спаситель, а не кентавр или оборотень, знаете ли...

– Нетожество между природами Иисуса никогда и не отрицалось в греко-латинской ортодоксии. По божеству Иисус единосущен Отцу, а по человечеству – людям. Нет и не может быть тут ни единства, ни конфликта. Разве вопль отчаяния в Гефсиманском саду не является свидетельством человеческого в природе Христа? Он дал слабину как человек, отчаялся перед лицом будущих мук – собственных, и учеников его, и матери своей, и братьев, и сестер от матери своей. Тут перед нами человеческая трагедия, не так ли?

– Но ведь Троица существовала всегда? До вочеловечивания Христос был органической частью этого единства. Толя был убежден, что после вознесения во плоти Он должен был изменить, понимаете, неизбежно, непременно изменить Троицу. Так как Его природа двойственна, то вместо Троицы мы получаем Четверицу, а это уже...

– Пифагор.

– Скорее, Хайдеггер... Но ведь Троица существует неизменно, и Иисус неизменен... Толя считал, что греки сами себя запутали, а в результате ближе в Истине оказалась не Эллада, а эллинистические государства – Антиохия, Египет и прочие. Они не гнушались его человеческой природы, но и не ставили ее вровень с бессмертной. Ведь если природа человека тварна, а причина сотворения вечна, то сотворенное всегда будет ниже сотворившего, думал Толик. А ежели онтологически беспредпосылочное начало и полностью зависимое от него творение сольются в одном лице...

– То как же тогда они смогут стать равными, так?

– Именно! Вы прям-таки цитируете Толю. Так вот также как животное начало в человеке существует не наравне с началом разумным, но подчиняясь ему, так и человеческая природа не могла существовать во Христе наравне с божественной, ибо неравное не может быть равным равному. Это нетождественное может быть тождественно тождественному, как доказывал...

– Пифагор.

– Скорее, Гегель. Но равное не равно тождественному, а неравное не тождественно нетождественному, потому во Христе не мог работать этот принцип. И ровно поэтому же не мог работать и другой – о независимости двух природ друг от друга.

– Но ведь церковь и не уравнила эти природы, а всего лишь соединила их, разъединив. Помните, Лев Великий писал, что «ни малейшей неправды нет в этом единении, так как совместно существуют и смирение человека, и величие Божества». То есть предикатом божества здесь выступает величие, а предикатом человечности – смирение, а величавое и смиренное по определению не могут быть равноценны.

– Да, но ведь и сторонники единой природы не отрицали человечность Христа, но лишь утверждали ее поглощенность божественностью. Но богословы, замороженные греческой логикой, стали громоздить Платона на место Христа – и Христа подлинного забыли. Толя так считал.

– Ну почему же забыли? Пусть христианство и черпало свои философские основания не столько в текстах Евангелия, сколько в неоплатоническом учении – но именно отсюда вышла преемственность между библейской и языческой традицией. Так была познана Истина.

– Истина ли? Или язычество, на которое ранними ектесиями была выброшена, как выражался Толик, мантия христианской моралистики?

– В итоге получается, что помимо христологических сомнений, у Вашего мужа были также возражения против догмата троичности в его ортодоксальном виде.

– Толя склонялся к чистому монотеизму. Не отрицая Христа. Но Христа как Бога по благодати, а не по единосущности с Отцом.

– Арианство?

– Скорее, несторианство. Я слабо в этом разбираюсь, я акушерка.

– Зайдем с другой стороны. Как бы христианство не было зависимо, скажем, от Плотина, мы всё же не можем отрицать очевидные факты. Факт есть, его форма и содержание неоспоримы, ежели только не умножить, а тем самым зачастую и развенчать его причину и его телеологию. К таковым фактам относится и то, что у Вашего мужа была при себе найдена баночка для анализов. Какова, на ваш взгляд, телеология этой энтелехии?

– Речь здесь идет не о субстанции, а об акциденции.

– Я не люблю Аристотеля. Поясните, пожалуйста.

– Насколько я знаю, Толя ничем не болел. Но он был немного скрытным человеком, не хотел меня расстраивать по пустякам. Всё может быть.

– Он имел, простите за прямоту, слабость к слабому полу.

Она закурила и вперила в Игнатова прямой взгляд.

– Трахал всё, что шевелится.

Они весело рассмеялись.

– А кто такой Петр Вахрушев, визитка которого была найдена у Анатолия?

– Это друг Николая Кирилловича Аполлонова.

– Вот как? Тогда всё понятно. А Ваш муж хорошо знал Аполлонова?

– Не хуже любого другого человека, – она пожала плечами.

– Линия их взаимодействия проходила, я так понимаю, именно через Вахрушева?

– Нет, через Прохоренко.

– А Прохоренко бывал у Вас дома?

– Нет, но мы у него бывали нередко.

– Сердарова там всегда была?

– Только, если точно знала, что явится Марат.

– Неприятный тип.

– Зато прекрасный маммолог.

Игнатов выдержал паузу, собираясь с мыслями.

– Поверьте, Инесса, для меня это дело отчасти личное, и я готов расследовать его исключительно ради установления истины. Почти той самой, к которой так стремился Ваш муж. Но у меня будут расходы. Мне нужно всего двести тысяч рублей, и через месяц виновные предстанут либо перед судом, либо перед Богом. Если следствие, подстегнутое прокуратурой, найдет виновного раньше меня – обещаю вернуть деньги в полном объеме.

Вдова медленно встала и скрылась в коридоре. Через две минуты она вернулась и протянула Игнатову мятый конверт.

– Здесь двести пятьдесят. Побратаемся?

Они снова трижды расцеловались в щеки.

Сев в автомобиль, Игнатов открыл «Лиловую книжицу», каллиграфично вывел «Живцы» посередине нового листа и написал следующие слова: «Клико», «Сердарова», «Монахиня», «Халкидон», «Жир», «Конверт». Вынул из кармана игральный кубик, подбросил его левой рукой, поймал правой и раскрыл ладонь. Кубик, попав в углубление посередине ладони, фактически встал на ребро, обнажив числа 1 и 3.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.